

Азбука
PREMIUM

К Н И Г И
ДЖЕКА КЕРУАКА

В ДОРОГЕ

БРОДЯГИ ДХАРМЫ
АНГЕЛЫ ОПУСТОШЕНИЯ

БИГ-СУР

МЭГГИ КЭССИДИ

ПОДЗЕМНЫЕ

ДОКТОР САКС

САТОРИ В ПАРИЖЕ

ТРИСТЕССА

МОРЕ — МОЙ БРАТ

ОДИНОКИЙ СТРАННИК

СУЕТА ДУЛУОЗА

ВИДЕНИЯ КОДИ

ДЖЕК КЕРУАК

В дороге

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 36

Jack Kerouac
ON THE ROAD

Copyright © Jack Kerouac, 1955, 1957
Copyright renewed Stella Kerouac, 1983
Copyright renewed Stella Kerouac and Jan Kerouac, 1985
All rights reserved

Перевод с английского Виктора Когана
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-17502-0

© В. И. Коган, перевод, 1995
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

Часть первая

1

С Дином я познакомился вскоре после того, как расстался с женой. Я тогда перенес серьезную болезнь, распространяться о которой не стану, скажу только, что она имела отношение к страшно утомительному разводу и еще к возникшему у меня тогда чувству, что кругом все мертво. С появлением Дина Мориарти начался тот период моей жизни, который можно назвать жизнью в дороге. Я и раньше частенько мечтал отправиться на Запад, посмотреть страну, — строил туманные планы, но так и не двинулся с места. Дин — идеальный попутчик, он даже родился в дороге, в 1926 году, в Солт-Лейк-Сити, когда его отец с матерью добирались на своей колымаге до Лос-Анджелеса. Впервые я услышал о нем от Чеда Кинга, который показал мне несколько писем Дина, отправленных из исправительной школы для малолетних преступников в Нью-Мексико. Письма меня страшно заинтересовали, потому что их автор с очаровательным простодушием просил Чеда обучить его всему, что тот знает о Ницше и прочих замечательных интеллектуальных премудростях. Как-то мы с Карло разговаривали об этих письмах и сошлись на том, что с удивительным Дином Мориарти надо непременно познакомиться. Это было очень давно, когда Дин еще не стал таким, как теперь, а был еще окутанным тайной юным арестантом. Затем до нас дошли слухи, что Дин вышел

из исправительной школы и впервые едет в Нью-Йорк. Еще поговаривали, что он уже успел жениться на девушке по имени Мерилу.

Однажды, околавываясь в университетском городке, я услышал от Чеда и Тима Грэя, что Дин остановился в какой-то халупе без отопления в Восточном Гарлеме — Испанском квартале. Накануне вечером Дин прибыл в Нью-Йорк со своей хорошенькой продувной цыпочкой Мерилу. Они вышли из междугородного автобуса на 50-й улице, завернули за угол в поисках места, где можно перекусить, и попали прямо к «Гектору». И с тех пор закусовая Гектора навсегда осталась для Дина главным символом Нью-Йорка. Они потратились на большие красивые глазированные пирожные и слойки со взбитым кремом.

Все это время Дин твердил Мерилу примерно следующее: «Вот мы и в Нью-Йорке, дорогая, и хотя я рассказал тебе еще не обо всем, о чем думал, пока мы ехали через Миссури, а главное — когда проезжали Бунвилльскую исправительную школу, которая напомнила мне о моих тюремных передрягах, — сейчас во что бы то ни стало надо отбросить на время всю нашу любовную дребедень и немедленно начать строить конкретные планы, как заработать на жизнь...» — и так далее, в той манере, которая была свойственна ему в прежние времена.

Мы с ребятами пришли в эту квартиру без отопления. Дверь открыл Дин в трусах. С кушетки спрыгнула Мерилу. Перед нашим визитом Дин отправил владельца квартиры на кухню — вероятно, сварить кофе, — а сам возобновил свои любовные занятия, ведь секс был его подлинным призванием и единственным божеством, и верность этому божеству он нарушал лишь в силу необходимости трудиться, чтобы заработать на жизнь. Волнуясь, он глядел в пол, подергивал и кивал головой, словно молодой боксер в ответ на наставления тренера,

а чтобы не подумали, будто он пропустил хоть слово, вставлял тысячи «да» и «вот именно». В ту первую встречу меня поразило сходство Дина с молодым Джинном Отри — стройный, узкобедрый, голубоглазый, с подлинным оклахомским выговором, — герой снежного Запада, отрастивший баки. Он и в самом деле, до того как жениться на Мерилу и приехать на Восток, работал на ранчо Эда Уолла в Колорадо. Мерилу была очаровательной блондинкой с морем вьющихся золотистых волос. Она сидела на краю кушетки, сложив руки на коленях, а ее наивные дымчато-голубые глаза были широко раскрыты и застыли в изумлении, ведь она попала в скверную, мрачную нью-йоркскую халупу, о каких была слышана еще на Западе, и теперь чего-то ждала, напоминая женщину Модильяни — длиннотелую, истомленную, сюрреалистическую — в солидном кабинете. Однако милая маленькая Мерилу оказалась девицей недалекой, к тому же способной на дикие выходки. Той ночью мы все пили пиво, мерились силой рук и болтали до рассвета, а наутро, когда мы молча сидели, попыхивая в сером свете нового унылого дня собранными из пепельниц окурками, Дин нервно вскочил, походил, подумал и решил, что самое важное сейчас — заставить Мерилу приготовить завтрак и подмести пол.

— Другими словами, нам следует действовать пораспорошнее, дорогая, вот что я тебе скажу, а то все как-то зыбко, нашим планам не хватает четкости и определенности.

Потом я ушел.

Всю следующую неделю Дин пытался убедить Чеду Кинга в том, что тот просто обязан преподавать ему уроки писательского мастерства. Чед сказал ему, что писатель — я, ко мне, мол, и надо обращаться. К тому времени Дин нашел работу на автостоянке, подрался с Мерилу в их квартирке в Хобокене — одному Богу известно, зачем

они туда переехали, — а та совершенно обезумела и так жаждала мести, что донесла на него в полицию, выдвинув в припадке истерики дутое, нелепое обвинение, так что из Хобокена Дину пришлось уносить ноги. Поэтому жить ему теперь было негде. Он сразу же отправился в Патерсон, Нью-Джерси, где я жил со своей тетушкой, и вот как-то вечером, когда я работал, раздался стук в дверь и возник Дин. Клянясь и подобострастно расшаркиваясь во тьме коридора, он сказал:

— Привет, ты меня помнишь — Дин Мориарти? Я пришел учиться у тебя, как надо писать.

— А где Мерилу? — спросил я.

И Дин ответил, что она, скорее всего, заработала на панели несколько долларов и смоталась обратно в Денвер — «шлюха!». Мы отправились выпить пива, потому что не могли как следует поговорить при тетушке, которая сидела в гостиной и читала газету. Едва взглянув на Дина, она сразу же решила, что он сумасшедший.

В пивной я сказал Дину:

— Черт возьми, старина, я прекрасно понимаю, что ты не пришел бы ко мне только затем, чтобы стать писателем, да и знаю я об этом только одно — то, что в это дело надо врубаться с энергией бензедринчика...

Он же отвечал:

— Ну разумеется, мне эта мысль хорошо знакома, да я и сам сталкивался с подобными проблемами, но чего я хочу, так это реализации тех факторов, которые следует поставить в зависимость от дихотомии Шопенгауэра, потому что каждый внутренне осознанный... — и так далее, в том же духе, о вещах, в которых я ровным счетом ничего не смыслил и в которых сам он смыслил еще меньше моего.

В те времена он и сам не понимал собственных речей. Короче говоря, он был юным арестантом, зациклившимся на радужной перспективе сделаться подлинным интел-

лектуалом, и любил употребить в разговоре, правда слегка путаясь, словечки, которые слышал от «подлинных интеллектуалов». Тем не менее, уверяю вас, в других вещах он не был столь наивен, и ему понадобилось всего несколько месяцев общения с Карло Марксом, чтобы полностью освоиться и с терминами, и с жаргоном. Несмотря ни на что, мы поняли друг друга на иных уровнях безумия, и я согласился, пока он не найдет работу, пустить его пожить, к тому же мы договорились когда-нибудь отправиться на Запад. Была зима 1947 года.

Как-то вечером, когда Дин ужинал у меня — он уже нашел работу на автостоянке в Нью-Йорке, — я сидел и барабанил на машинке, а он положил руку мне на плечо и сказал:

— Собирайся, старина, эти девицы ждать не будут, поторопись.

Я ответил:

— Подожди минуту, я только закончу главу, — а это была одна из лучших глав книги.

Потом я оделся, и мы помчались в Нью-Йорк на встречу с какими-то девицами. Когда мы ехали в автобусе сквозь таинственную фосфоресцирующую пустоту туннеля Линкольна, опираясь друг на друга, тыча пальцами в воздух, возбужденно и громко болтая, Диново помешательство начало передаваться мне. Он был всего лишь юношей, до умопомрачения опьяненным жизнью, и, будучи мошенником, мошенничал только потому, что очень хотел жить и иметь дело с людьми, которые иначе не обратили бы на него никакого внимания. Он надувал и меня, и я это знал (из-за жилья, харчей и того, «как-надо-писать»), а он знал, что я это знаю (и в этом суть наших отношений), но мне было наплевать, и мы прекрасно ладили — не докучая и не угождая друг другу. Деликатные, словно новоиспеченные друзья, мы обхаживали друг друга на цыпочках. Я начал у него учиться так

же, как он, вероятно, учился у меня. Что до моей работы, то он говорил:

— Давай, давай, то, что ты делаешь, — великолепно!

Когда я писал рассказы, он заглядывал мне через плечо и орал:

— Да! Точно! Ого! Старина! — А еще: — Уфф! — и вытирал платком лицо. — Эх, старина, еще столько надо сделать, столько написать! Главное — *начать* бы все это записывать, да без всяких там лишних стеснений и препятствий вроде литературных запретов и грамматических страхов...

— Да, старина, вот это я понимаю!

И я видел нечто вроде священной молнии, рожденной на свет его волнением и его видениями, которые он обрисовывал так стремительно и многословно, что люди в автобусах оборачивались, чтобы разглядеть «перевозбужденного психа». Третью своей жизни на Западе он провел, играя на тотализаторе, третью — в тюрьме и третью — в публичной библиотеке. Видели, как он, нагруженный книгами, опрометью мчится с непокрытой головой по зимним улицам в тотализаторный зал автодрома или как карабкается по деревьям на чердаки своих приятелей, где он сутками читал, а то и скрывался от полиции.

Мы приехали в Нью-Йорк — чуть не забыл, с чего все началось — две цветные девицы, — и никаких девиц там не оказалось. Они должны были встретиться с Динном в дешевом ресторанчике, но так и не появились. Мы отправились на автостоянку, где у него были кое-какие дела: надо было переодеться в глубине домика, наскоро привести себя в порядок перед треснувшим зеркалом и все такое, а потом мы тронулись в путь. Именно в тот вечер Дин познакомился с Карло Марксом. И знакомство Дина с Карло Марксом имело потрясающие последствия. С их обостренным восприятием они сразу же приохотились друг к другу. Проницательный взгляд одного

встретился с пронизательным взглядом другого — святой мошенник с душой нараспашку повстречал печального мошенника-поэта с темной душой — Карло Маркса. С той минуты я видел Дина очень редко и был этим немного расстроен. Столкнулись во всеоружии их кипучие энергии, и мне, неуклюжему, было за ними не угнаться. Тогда и началось все, что должно было случиться, тогда и поднялся весь этот безумный вихрь; он затянет всех моих друзей и все, что осталось от моей семьи, в большое облако пыли над Американской Ночью. Карло рассказывал Дину о Старом Буйволе Ли, Элмере Хасселе, Джейн. Ли выращивает травку в Техасе, Хассел — на острове Райкер¹, Джейн с ребенком на руках блуждает в бензедриновых галлюцинациях по Таймс-сквер и оказывается в Бельвью². А Дин рассказал Карло о неизвестных людях с Запада — вроде Томми Снарка, косолапого шулера с автодромного тотализатора, картежника и юродивого. Он рассказал ему о Рое Джонсоне, о Детине Эде Данкеле — приятелях детства, своих уличных дружках, о своих бесчисленных девицах, о сексуальных вечеринках и порнографических открытках, о своих героях, героинях и приключениях. Они вместе носились по улицам, врубаясь во все в своей тогдашней манере, которая позже стала куда более печальной, стала вдумчивой и бессмысленной. Но тогда они приплясывали на улицах как заведенные, а я плелся сзади, как всю жизнь плетусь за теми, кто мне интересен, потому что интересны мне одни безумцы — те, кто без ума от жизни, от разговоров, от желания быть спасенным, кто жаждет всего сразу, кто никогда не скупает и не говорит банальностей, а лишь горит, горит, горит, как фантастические желтые римские свечи, которые пауками распускаются в звездном

---

¹ Тюрьма в штате Нью-Йорк (*здесь и далее — прим. перев.*).

² Психиатрическая лечебница в Нью-Йорке.

небе, а в центре возникает яркая голубая вспышка, и тогда все кричат: «Ого-о-о!» Как называли таких молодых людей в Германии во времена Гёте? Страстно желая научиться писать, как Карло, Дин тотчас отдал ему любвеобильное пылкое сердце — такое, какое может быть только у плута.

— Теперь, Карло, дай мне сказать... вот что я скажу...

Я не видел их недели две, и за это время они скрепили свои отношения неразрывными, дьявольскими узлами круглосуточных разговоров.

Потом настала весна — прекрасное время путешествий, и каждый, кто входил в эту разрозненную шайку, готовился пуститься в свой путь. Я был поглощен работой над романом, а когда дошел до середины, съездил с тетушкой на Юг к моему брату Рокко и был готов к самому первому путешествию на Запад.

Дин к тому времени уже уехал. Мы с Карло провожали его на автовокзале компании «Грейхаунд» на 34-й улице. Там, наверху, можно было за двадцать пять центов сфотографироваться. Карло снял очки и приобрел мрачный вид. Дин сфотографировался в профиль и стыдливо огляделся. Я позировал, глядя в объектив, отчего стал похож на тридцатилетнего итальянца, который убьет любого, кто скажет хоть слово против его матери. Эту фотографию Карло с Дином аккуратно разрезали пополам бритвой, и каждый положил свою половинку себе в бумажник. Дин, отправляясь в долгий обратный путь в Денвер, нарядился в пиджачную пару настоящего жителя Запада; кончилось его веселое житье в Нью-Йорке. Я говорю «веселое», он же только и делал, что работал как вол на автостоянках. Самый эксцентричный служитель автостоянок на свете, он может в жуткой давке подать задним ходом со скоростью сорок миль в час и остановить машину у самой стены, выпрыгнуть, промчаться между боками автомобилей, вскочить в другую машину,

покружить на ней в тесноте со скоростью пятьдесят миль в час, выбрать тесный пятак, вновь подать задом, сгорбиться и так наподдать по тормозам, что машина подпрыгивает, когда он из нее вылетает; затем, словно заправский спринтер, прямиком в будку кассира, отдать квитанцию, вскочить в только что прибывшую машину, владелец которой еще и наполовину не вылез, буквально прошмыгнуть под ним, пока тот делает шаг наружу, запустить мотор, одновременно захлопнув дверцу, с ревом домчаться до ближайшего свободного пятка, согнуться, что-то вставить, включить тормоза, выскочить — и бегом. И так без единой паузы, восемь часов каждый вечер — вечерние часы «пик» и послетеатральные часы «пик», в промасленных, залитых вином штанах, поношенной, отороченной мехом куртке и стоптанных шлепающих башмаках. И вот он купил новый костюм, чтобы отправиться в обратный путь; синий костюм в тонкую полоску, жилет и все такое — одиннадцать долларов на Третьей авеню, да еще часы с цепочкой и портативную пишущую машинку, с помощью которой он собирался начать писать в каком-нибудь денверском пансионе, как только найдет работу. На прощание мы полакомились сосисками с бобами у «Райкера» на Седьмой авеню, а потом Дин сел в автобус с надписью «Чикаго» и умчался в ночь. Вот и уехал наш ковбой. Я дал себе слово отправиться тем же путем, когда весна будет в разгаре и расцветет вся страна.

Именно с этого и начались мои дорожные приключения, и то, что ждало меня впереди, слишком невероятно и просто требует рассказа.

Да, я хотел узнать Дина поближе не только потому, что был писателем и нуждался в новых впечатлениях, а моя жизнь, связанная с университетским городком, достигла завершения своего цикла и стала бессмысленной, но еще и потому, что каким-то образом, несмотря

на несхожесть наших характеров, он напоминал мне некоего давно потерянного брата. При взгляде на его страдающее скуластое лицо с длинными баками и напряженную, мускулистую потную шею я вспоминал детство на свалках красилен, в купальнях и на берегах Пассейка в Патерсоне. Грязная рабочая одежда сидела на Дине так изящно, словно столь элегантный костюм был произведением не простого портного, а Природного Закройщика Природной Радости, да и тот еще надо было заслужить, что Дин и сделал — ценою своих невзгод. А в его возбужденной манере говорить мне вновь слышались голоса старых товарищей и братьев под мостом, среди мотоциклов, в завешанных бельем дворах и на сонных полуполуденных крылечках, где играли на гитарах мальчишки, пока их старшие братья были на фабрике. Все прочие мои тогдашние друзья были «интеллектуалами»: Чед — антрополог-ницшеанец, Карло Маркс с его серьезным пристальным взглядом, тихим голосом и безумными сюрреалистическими речами, Старый Буйвол Ли, ругавший все на свете, манерно растягивая слова. Или же это были преступники в бегах, вроде Элмера Хассела с его глумливой усмешкой и той же Джейн Ли, которая, развалившись на кушетке с восточным покрывалом, шмыгала носом, уставившись в «Нью-Йоркер». Но Дин обладал ничуть не менее здравым, блестящим и совершенным умом, к тому же без всей этой утомительной интеллектуальности. Да и в «уголовщине» его не было ни глумления, ни злости. Это был дикий положительный взрыв американского восторга; это был Запад, западный ветер, ода с Равнин, нечто новое, давно предсказанное и долгожданное (автомобили он угонял только потому, что любил кататься). К тому же все мои нью-йоркские друзья стояли на маниакальной пессимистической позиции критики общества и подводили под нее опостылевшую книжную, политическую или психоана-

литическую базу. А Дин попросту мчался внутри общества, страстно желая хлеба и любви. И ему было безразлично все остальное, «пока я могу заполучить эту девчонку вместе с кое-чем промеж ног, старина», и «пока мы в состоянии жрать, сынок, слышишь меня? я голоден, я просто умираю с голодухи, давай немедленно поедим!» — и мы мчались есть, ведь, как сказано у Экклезиаста: «Это твоя доля под солнцем».

Дин, западный родственник солнца. Хоть тетушка и предупреждала, что он доведет меня до беды, я в молодые годы был способен услышать новый зов, увидеть новые горизонты и поверить и в то и в другое. А мелкие неприятности или даже то, что Дин вполне мог забыть о нашей дружбе, бросив меня на берущих голодным измором тротуарах или прикованным к постели, — какое все это имело значение? Я был молодым писателем, я хотел отправиться в путь.

Я знал, что где-то в пути будут девушки, будет все, и где-то в пути жемчужина будет мне отдана.

2

В июле 1947 года, накопив долларов пятьдесят из старых ветеранских пособий, я был готов ехать на Западное побережье. Мой друг Реми Бонкур написал мне из Сан-Франциско, пригласив приехать и отправиться с ним в плавание на океанском лайнере. Он ручался, что устроит меня механиком в машинное отделение. Я ответил, что был бы рад любому грузовому суденышку и готов предпринять не одно плавание по Тихому океану, лишь бы привезти достаточно денег, чтобы продержаться в тетушкином доме и закончить книгу. Реми сообщил, что в Милл-Сити у него есть домик, где я смогу вволю писать, пока не закончится катавасия с устройством на

корабль. Жил он с девушкой по имени Ли Энн. Он уверял, что она прекрасно готовит и все будет на высшем уровне. Реми был моим старым школьным другом, французом, воспитанным в Париже, и настоящим безумцем — а насколько он был безумен в то время, я и не подозревал. Он ждал меня не позже чем через десять дней. Тетушка восприняла весть о моей поездке на Запад с энтузиазмом; она сказала, что мне это будет полезно, ведь я всю зиму упорно трудился и слишком долго сидел взаперти. Она даже не стала возражать, когда я признался ей, что иногда придется добираться на попутных машинах. Хотела она только одного — чтобы я вернулся целым и невредимым. И вот, оставив на столе свою пухлую полурукопись и в последний раз скатав уютные домашние простыни, в одно прекрасное утро я вышел из дома с парусиновым мешком, в котором было только самое необходимое, и с пятьюдесятью долларами в кармане направился к Тихому океану.

В Патерсоне я месяцами сидел над картами Соединенных Штатов, даже читал книги про первых поселенцев, смакуя такие названия, как Платте, Симаррон и прочие, а на дорожной карте была одна длинная красная линия под названием «Дорога 6», которая тянулась от оконечности мыса Код до самого Или, штат Невада, а там спускалась вниз, к Лос-Анджелесу. Вот по «шестерке» я и поеду до самого Или, сказал я себе и, уверенный в успехе своего предприятия, тронулся в путь. Чтобы добраться до «шестерки», я должен был подняться к Медвежьей горе. В предвкушении великих дел, которые ждут меня в Чикаго, Денвере и, наконец, в Сан-Франциско, я сел в подземку на Седьмой авеню и доехал до конца — до 242-й улицы, а оттуда трамваем добрался до Йонкерса. В центре Йонкерса я пересел на трамвай, который довез меня до самой городской черты на восточном берегу реки Гудзон. Если вы уроните розу в Гудзон у его таинст-

венных истоков в горах Адирондака, подумайте обо всех тех местах, мимо которых она пропутешествует, прежде чем навсегда исчезнуть в море, — подумайте о прекрасной долине Гудзона. Я начал свой подъем на попутках. За пять рейсов я добрался до желанного моста Медвежьей горы, где дугой шла из Новой Англии Дорога 6. Когда меня там высадили, начался проливной дождь. Кругом были горы. Дорога 6, придя из-за реки, огибала транспортную развязку и терялась среди девственной природы. Мало того что не было машин, так еще и дождь лил как из ведра, а укрыться было негде. Пришлось искать убежища под соснами, однако и это не спасало. Я орал, ругался и бил себя по лбу, недоумевая, почему оказался таким круглым идиотом. Нью-Йорк остался в сорока милях к югу. В течение всего подъема мне не давало покоя то, что в этот знаменательный первый день я только и делаю, что двигаюсь на север, а вовсе не в сторону вождьеленного Запада. И вот я прочно застрял на своей самой северной остановке. Пробежав четверть мили до уютной, в английском стиле, заброшенной заправочной станции, я встал под карниз, с которого падали крупные капли. Лесистая громада Медвежьей горы обрушивала на меня с высоты внушающие священный ужас удары грома. Видны мне были лишь размытые очертания деревьев да уходящая в небеса мрачная дикая местность. «Какого черта я торчу тут наверху? — Проклинаю себя, я рыдал от желания попасть в Чикаго. — В эту самую минуту все они веселятся, наверняка веселятся, а меня с ними нет, когда же я туда доберусь?!» — и все такое. Наконец у пустой бензоколонки остановилась машина. Сидевшие в ней мужчина и две женщины решили изучить карту. Я вышел из-под своего укрытия и принялся жестикулировать под дождем. Они посоветовались. Конечно, с мокрой головой и в хлюпающих башмаках я был похож на маньяка. На ноги я, круглый дурак, надел мексиканские

гуарачи — нечто вроде решета из прутьев, совершенно не приспособленного ни для дождливой американской ночи, ни для сырой ночной дороги. И все же эти люди пустили меня в машину и отвезли *назад*, в Ньюберг, что я счел за благо по сравнению с перспективой проторчать всю ночь в дикой безлюдной западне у Медвежьей горы.

— К тому же, — сказал мужчина, — по «шестерке» транспорт не ходит. Если хочешь попасть в Чикаго, лучше проехать по туннелю Холланда в Нью-Йорке и направиться в сторону Питсбурга.

И я знал, что он прав. Лопнула моя мечта, нелепая домашняя затея безмятежно прокатить через всю Америку по одной длинной красной линии, не испытывая разные дороги и маршруты.

В Ньюберге дождь кончился. Я пешком спустился к реке, откуда мне пришлось вернуться в Нью-Йорк на автобусе вместе с группой школьных учителей, проводивших выходные в горах, — болтовня, тары-бары, а я проклинал себя за потерянное время, за потраченные деньги и за то, что, собираясь поехать на запад, весь день и полночи катался вверх-вниз с юга на север и обратно, а с места так и не сдвинулся. И я поклялся, что завтра же буду в Чикаго, и для пущей убедительности взял билет на чикагский автобус, потратив при этом львиную долю денег, на что мне было уже наплевать, ведь назавтра меня ждал Чикаго.

3

Сперва это была обычная автобусная поездка с орущими детьми, палящим солнцем и сельскими жителями, входившими в автобус в каждом городке Пенсильвании, но потом мы добрались до равнин Огайо, по-настоящему разогнались, проехали Аштабьюлу и в ночи пересек-

ли Индиану. В Чикаго я попал ранним утром, снял комнату в общежитии Христианской ассоциации и завалился спать. Деньги уже подходили к концу. К вечеру я отменно выспался и отправился изучать город.

Ветер с озера Мичиган, «боп» в «Петле»¹, прогулки в районе Саут-Холстеда и Норт-Кларка и одна долгая послеполуночная прогулка в район притонов, куда меня, приняв за подозрительного типа, сопровождала полицейская машина. В то время, в 1947-м, по Америке прокатилась безумная волна «бопа». Вот и в «Петле» музыканты играли, правда, со скучающим видом, потому что «боп» к тому времени уже миновал орнитологический период Чарли Паркера, не вступив еще в следующий, который начался позднее, с Майлза Дэвиса. И когда я сидел там, вслушиваясь в ту мелодию ночи, символом которой для каждого из нас стал «боп», я думал обо всех моих друзьях, разбросанных по стране, думал о том, что на самом-то деле все они живут на одном громадном заднем дворе нашего общего дома, и бесятся там, и мчатся по нему неизвестно куда. А на следующий день я впервые в жизни направился на Запад. Был теплый, идеальный для автостопа день. Чтобы выбраться из невероятной толчеи чикагских улиц, я доехал в автобусе до Джолиета, Иллинойс. Миновав джолиетскую тюрьму и пройдя по кривым тенистым улочкам, я занял пост у городской черты и вытянул руку. Весь путь от Нью-Йорка до Джолиета я проделал на автобусе и уже истратил добрую половину денег.

Первая поездка была на груженном динамитом грузовике с красным флажком — миль тридцать в глубь бескрайнего зеленого Иллинойса. Водитель показал мне место, где Дорога 6, по которой мы ехали, пересекается с Дорогой 66, и откуда обе они устремляются в неверо-

---

¹ Бар в одноименном районе Чикаго.

ятную даль, на запад. Около трех часов дня, после яблочного пирога со сливочным мороженым в придорожном буфете, на мой призыв остановилась женщина в двухместном автомобильчике. Мчась к машине, я испытал приступ мучительного восторга, однако за рулем сидела женщина средних лет, к тому же имевшая сыновей, моих ровесников. Она хотела, чтобы кто-нибудь помог ей довести машину до Айовы, на что я охотно согласился. Айова! Там уж и до Денвера недалеко, а как только доберусь до Денвера, я смогу наконец сделать передышку. Первые несколько часов машину вела она и где-то по дороге — как будто мы были туристами! — уговорила меня осмотреть старую церквушку, а потом за руль села и, хоть не такой уж я великий шофер, проехал без остановок всю оставшуюся часть Иллинойса до самого Давенпорта, Айова, через Рок-Айленд. И там, впервые в жизни, я увидел любимую свою реку Миссисипи, сохнущую в летней дымке, обмелевшую, с ее резким дурманящим запахом, напоминающим запах обнаженного тела самой Америки, потому что река его омывает. Рок-Айленд — железнодорожные пути, лачуги, небольшой деловой район, — и через мост, в Давенпорт, такой же городок, насквозь пропахший опилками в лучах теплого среднезападного солнца. Оттуда моей даме предстояло отправиться в свой родной город в Айове другой дорогой, и я вылез из машины.

Садилось солнце. Выпив пару кружек холодного пива, я пошел пешком к окраине города, и идти пришлось долго. Ехали с работы мужчины в железнодорожных фуражках, бейсбольных кепках, всевозможных шляпах — все в точности как в любом другом городе после рабочего дня. Один из них подвез меня вверх по склону холма и высадил на пустынном перекрестке у края прерии. Место было чудесное. Попадались только фермерские машины. Фермеры бросали на меня подозрительные

взгляды, машины громыхали мимо; возвращались домой коровы. Ни одного грузовика. Со свистом пронеслись редкие легковушки. В одной мелькнул юный лихач с развевающимся шарфом. Солнце уже село, а я все стоял в лиловом сумраке. И тогда мне стало не по себе. В сельской местности Айовы не горел ни один огонек; через минуту уже никто не смог бы меня заметить. К счастью, меня подбросил к центру городка парень, ехавший в Давенпорт. И я оказался там, откуда пришел.

Я решил посидеть на автобусной станции и все обдумать. Съел еще один яблочный пирог со сливочным мороженым. В пути через страну я почти ничего больше не ел: я знал, что это питательно и к тому же вкусно. Поглазев на официантку в кафе автовокзала, я решил рискнуть, сел в автобус в центре Давенпорта и доехал до самой окраины, однако на этот раз вышел поблизости от бензозаправочной станции. Мимо с ревом пронеслись большие грузовики, и не прошло и двух минут, как один из них с визгом затормозил. Исполненный ликования, я бросился к нему. А что за водитель! — настоящий здоровенный головорез с глазами навывкате и хриплым скрипучим голосом. Колошматя руками и ногами по рычагам и педалям, он гнал себе машину вперед и не обращал на меня почти никакого внимания. Так что я мог дать небольшой роздых своей утомленной душе, ведь самая большая беда езды на попутках — это необходимость разговаривать с бесчисленным множеством людей, убеждать их в том, что они не совершили ошибки, взяв вас в попутчики, чуть ли не развлекать их, а все это требует огромного напряжения, особенно когда вы только и делаете, что едете и не собираетесь ночевать в гостинице. Этот же малый знай себе оглашал своим криком дорогу, мне оставалось лишь орать в ответ, и мы нисколько не напрягались. Так он и докатил свою машину до самого Айова-Сити, выкрикивая мне забавнейшие истории

о том, как он объезжает закон в каждом городишке, где существуют несправедливые ограничения скорости, и то и дело повторяя: «Меня-то этим гнусным легавым вокруг пальца не обвести!» Как только мы прикатили в Айова-Сити, он увидел позади нас еще один грузовик и, так как должен был сворачивать на другую дорогу, мигнул тому малому стоп-сигналом и притормозил, давая мне возможность выпрыгнуть, что я и сделал, захватив свой мешок. А второй грузовик, подтверждая согласие на обмен, остановился, и я в мгновение ока оказался в другом просторном высоком экипаже, вполне готовом ехать сотни миль сквозь ночь, и как же я был счастлив! И новый шофер оказался таким же психом, как и его предшественник, и орал ничуть не меньше, а мне только и оставалось, что откинуться на сиденье и отдаться воле волн. Теперь я уже почти видел Денвер, неясно вырисовывающийся впереди, подобно Земле обетованной — вдали под звездами, за прериями Айовы и равнинами Небраски, — а там, еще дальше, мне представлялась еще более величественная панорама Сан-Франциско, похожего на драгоценное ожерелье ночи. Шофер гнал грузовик вперед и часа два рассказывал истории, потом, в одном городишке в Айове, где через несколько лет нас с Дином остановят по подозрению в том, что наша машина напоминает угнанный «кадиллак», он заснул на несколько часов на сиденье, поспал немного и я, а проснувшись, прогулялся вдоль унылых кирпичных стен, освещенных единственным фонарем. Каждая улочка терялась в прерии, а запах кукурузы освежал ночь, точно роса.

На рассвете шофер резко проснулся, и мы помчались дальше, а через час впереди, над зелеными кукурузными полями, показался дым Де-Мойна. Водителю надо было позавтракать, ему некуда было спешить, и мили четыре до Де-Мойна я проехал, подсев к двум парням из

Айовского университета. Непривычно было сидеть в их новенькой удобной машине и слушать, как они болтают об экзаменах, пока мы плавно вкатываем в город. Я уже валился с ног от усталости и поэтому в надежде снять комнату отправился в Молодежную христианскую ассоциацию. Свободных комнат не было, и я машинально добрался до железнодорожных путей — а в Де-Мойне их полно, — попал в мрачную старую гостиницу «Равнины» рядом с паровозным депо — настоящий постоялый двор — и весь долгий день проспал на просторной кровати с белоснежными крахмальными простынями. На стене у изголовья были вырезаны похабные надписи, а выдавшие виды желтые шторы заслоняли от меня дымную сортировочную станцию. Проснулся я, когда багровое солнце уже клонилось к закату. И в это совершенно особое, самое удивительное мгновение моей жизни я вдруг забыл, кто я такой. Я находился далеко от дома, в дешевом гостиничном номере, каких никогда не видывал, был возбужден и утомлен путешествием, слышал шипение пара снаружи, скрип старого дерева гостиницы, шаги наверху и прочие печальные звуки, я смотрел на высокий потрескавшийся потолок и в течение нескольких необыкновенных секунд никак не мог вспомнить, кто я такой. Я не был напуган. Просто я был кем-то другим, неким незнакомцем, и вся моя жизнь была жизнью неприкаянной, жизнью призрака. Я проехал пол-Америки, добрался до пограничной линии, отделявшей Восток моей юности от Запада моего будущего, и потому-то, быть может, и произошло такое именно там и именно тогда, в тот странный багровый предвечерний час.

Однако пора было кончать с меланхолией и ехать дальше, поэтому я взял свой мешок, распрощался со старым хозяином гостиницы, сидевшим возле плевательницы, и отправился перекусить. Я съел яблочный пирог со сливочным мороженым — по мере того как я продвигался

Керуак Дж.

К 36 В дороге : роман / Джек Керуак ; пер. с англ. В. Кога-на. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 416 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-17502-0

Еще при жизни Керуака провозгласили «королем битников», но он неизменно отказывался от этого титула. Все его творчество, послужившее катализатором контркультуры, пронизано желанием вырваться на свободу из общественных шаблонов, найти в жизни смысл. Поиски эти приводили к тому, что он то испытывал свой организм и психику на износ, то принимался осваивать духовные учения, в первую очередь буддизм, то путешествовал по стране и миру.

Первый редактор этой книги любил вспоминать, что более странной рукописи ему не приносили никогда. Здоровенный, как лесоруб, Керуак принес в редакцию рулон бумаги длиной 147 метров без единого знака препинания. Это был рассказ о судьбе и боли целого поколения, выстроенный, как джазовая импровизация. И главный герой романа, зубоскал, бабник и пьяница Дин Мориарти, до сих пор едет на своем дребезжащем «мустанге» по дороге, которая не кончится никогда.

Каждое новое поколение находило в битниках что-то свое, но пик возрождения интереса к Керуаку, Гинзбергу и Берроузу пришелся на первые десятилетия XXI в. Недавно рукопись «В дороге» ушла с аукциона почти за 2,5 миллиона долларов, а затем роман приобрел наконец киновоплощение; продюсером выступил Фрэнсис Форд Коппола (права на экранизацию он купил много лет назад), а роли исполнили Сэм Райли, Кристен Стюарт и Вигго Мортенсен.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЖЕК КЕРУАК
В ДОРОГЕ

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректор Нина Тюрина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 10.10.2019. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 21,84. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AUM-26040-01-R